

Галина Романова

Невеста в сугробе

Часть сборника
Новогодний детектив (сборник)

Галина Владимировна Романова

Невеста в сугробе

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249492
Новогодний детектив: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38489-1

Аннотация

«Где родился, там и пригодился!

Кому мог пригодиться Миньков в старом бабкином доме в заброшенной деревне с покосившимися заборами и обвалившимися колодцами, он не знал. Да и не рождался он там вовсе. Бабка, да, родилась именно в этой деревне. И мать тоже там местной повитухой была в жизнь препровождена. Он-то родился в городе, за триста верст отсюда...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Галина Романова

Невеста в сугробе

Глава 1

Где родился, там и пригодился!

Кому мог пригодиться Миньков в старом бабкином доме в заброшенной деревне с покосившимися заборами и обвалившимися колодцами, он не знал. Да и не рождался он там вовсе. Бабка, да, родилась именно в этой деревне. И мать тоже там местной повитухой была в жизнь препровождена. Он-то родился в городе, за триста верст отсюда. Но все равно настырно туда ехал. И упорно бубнил себе под нос, пока ехал:

– Где родился, там и пригодился... Где родился, там и пригодился...

И зачем ехал-то? – спросил бы кто. Потому что со злостью своей справиться не смог? Или потому что захотелось посмотреть на семейство свое избалованное, как это оно станет жить-поживать без него?

Господи, о чем это он?! Какое семейство?! Разве это семья: он – Миньков Сергей Иванович и она – Минькова Алла Степановна? Может, и семья, конечно, юридически, но неполной, кургузой какой-то она казалась Сергею без детей. Неполноценной он бы даже ее назвал.

– Какие дети, Сережа?! – всякий раз возмущалась Алла, когда он начинал заводить разговор об этом. – Мы же договаривались, ты помнишь?

Да помнил он, помнил. Ну и что? Сколько лет-то прошло с тех пор, как они договорились? Много лет, слишком много для него. Сколько? Да пять, пять лет прошло с тех пор, как они заключили брак с Аллой. А детей все нет и теперь, наверное, уже и не будет.

Он ведь сегодня утром решил, что навсегда уехал от нее. Сначала они долго и с удовольствием скандалили, потом он покидал в дорожную сумку какие-то вещи, вышел из квартиры, сел в машину и поехал, решив тут же, что не вернется к ней никогда.

– Поезжай, дорогой, поезжай, – ехидничала она ему вслед, ероша белокурые кудри, и хохотала, с призывной сексуальностью запрокидывая головку. – Завтра на коленях стоять будешь и прощения вымаливать...

Он не стал утверждать, что никогда этого не сделает, потому что уже не раз так делал. Сел в машину и поехал, поначалу даже не зная, куда. А потом вдруг на ум пришла старая поговорка, которую сильно бабка любила:

– Где родился, там и пригодился...

И он свернул на объездную дорогу и уже через час выезжал из города.

«Ничего, – думал он, наблюдая, как «дворники» его машины разгоняют липкий снег с ветрового стекла. – Я не про-

паду. У меня все есть! Бизнес пускай и прихрамывает сейчас, но у кого не так? Вытяну как-нибудь, не впервой крутиться. Жить есть где. Не зря часть средств в недвижимость запустил, как ведь чувствовал...»

Единственной, кого он терял, была жена.

Миньков нахмурился и полез за сигаретами, хотя зарекался курить за рулем.

Без Алки ему будет худо, он это знал. Любовь это была, привычка или зависимость какая-то нездоровая, объяснения у Минькова не было, но без нее ему всегда бывало плохо. Она об этом знала и пользовалась его зависимостью на всю катушку. Горы шмоток, украшения, отдых, где пожелает, во всем он ей потакал, ни в чем не отказывал. Ко всем ее капризам и истерикам относился поначалу с мужской снисходительностью. Женщина же, как иначе-то? Слабая, милая, нежная. Не бесился никогда прежде, не пытался приструнить. А она...

Она даже ему ребенка родить не захотела. Такая...

– Сука! – не выдержав, скрипнул зубами Миньков, выбросив недокуренную сигарету за окно.

Рот наполнился горькой слюной, и в районе сердца что-то остро и болезненно сжалось.

Для себя ей пожить хочется, видите ли! А ребенка-то для кого, для соседей, что ли, рожают?! Да, он поначалу тоже не спешил, и даже договаривался с ней о чем-то таком, и думал, что им вдвоем вечно будет хорошо. А потом заскучал вдруг.

И гомона детского дома захотелось, и нитья про игрушки с велосипедом стало недоставать. Не все же про ее тряпки и солярии слушать.

– У всех наших знакомых дети, Алла. Чего мы-то, дефективные, что ли?

Дефективной она себя не считала, конечно же, но и следовать примеру знакомых не собиралась.

– И что хорошего-то? Ни уйти, ни уехать никуда. Ты-то понятное дело, на фирме станешь пропадать день и ночь, а я? В пеленках тут с подгузниками зареюсь, да? А фигура? Что с ней станет? Я уже никогда не стану такой, как сейчас. Никогда!

По Минькову, так Алке не мешало бы чуть поправиться. Извела себя диетами и фитнесом до такой степени, что он стал потихоньку забывать, что такое женское тело. Настоящее женское тело, с нежными плавными изгибами, приятными выпуклостями и все такое.

– Тебе надо, ты и поправляйся! – орала она обычно, втягивая перед зеркалом несуществующий живот. – Ну вот, снова триста граммов отложилось. А все ты со своими дурацкими шашлыками...

К шашлыкам, насколько помнил Миньков, жена не при-трагивалась, потягивала минералку без конца. И лишних триста граммов он на ней не смог обнаружить, сколько ни вглядывался, но повод для очередного скандала появлялся бесподобный, и они отрывались по полной программе.

Последние несколько месяцев они вообще дня не могли прожить, чтобы не поругаться. Им даже повода не нужно было. Достаточно было неосторожного взгляда или неудачной шутки, и все начинало искрить.

Сегодняшний день начался с ее отвратительного кофе, а ведь могла бы уже за пять лет научиться его готовить, пересушенных тостов с обуглившимися краями и ее поскуливания про то, что кто-то куда-то едет на рождественские каникулы, а они вынуждены сидеть дома.

– Так в прошлом году ездили, – огрызнулся Миньков, тут же начав закипать.

Он как раз ошелушивал подгоревший тост. Горелые крошки попали ему на брюки. Он попытался их стряхнуть, но только все усугубил. На штанине остался угольный след. Теперь надо было переодеваться, а времени до выезда из дома почти не оставалось. Тут еще она со своими претензиями.

– Так год прошел, Сережа!!! – прошипела она, поражаясь его скудоумию, надо полагать. – Год!!! Не день, не неделя, не месяц даже, а год! Люди едут...

– Люди едут туда с детьми, между прочим. Учат там их кататься на лыжах, лепят вместе снеговиков, – вспомнил он своего приятеля с семьей. – Доставляют своим малышам радость. А ты-то зачем поедешь? Хвостом крутить? Так тебя там по прошлогодним выходкам запомнили.

– Что ты имеешь в виду?! – взвилась Алла тут же. – И при чем тут дети?! Если нет детей, развлекаться, что ли, не

надо?!

– Надо просто пытаться жить для чего-то еще, – вздохнул Миньков, вспомнив с грустью новогодние праздники своего детства. – Для кого-то еще, Алла.

– Опять ты за свое!!! – закатила она глаза. – Мое тело не инкубатор, Миньков! И мы с тобой договаривались...

Потом началось перечисление обид, которых он ей нанес по неосторожности за прошедший год. Невыполненные просьбы. Все скомканые праздники. Закончилось всхлипыванием, в которое Миньков уже не верил, Алка была потрясенной актрисой, хотя и никогда не пробовала себя на подмостках.

Он не выдержал, вскочил из-за стола и ушел в спальню переодевать штаны. Но оказалось, что переодеваться было не во что. Что-то она забыла забрать из химчистки, что-то еще не отнесла в прачечную. Сами-то Алла Степановна не унижали себя стиркой и глажкой его брюк.

– Надень джинсы, в конце концов, – посоветовала она угрюмо.

– Ко мне сегодня немцы на фирму приезжают! – заорал Миньков не своим голосом. – Ты это понимаешь или нет?!

– Жрать надо было аккуратнее! – заорала она в ответ. – А не обсыпаться крошками, как быдло последнее!!!

– А кому-то не мешало бы научиться, наконец, готовить! – еще громче продолжил Миньков, начав в бешенстве вываливать всю одежду с полок на пол.

– Жри в ресторане в таком случае! – не унималась и она. – Ты, в конце концов, можешь себе это позволить!

– А ты-то... – он опешил, она еще ни разу не отсылала его в общепитовские места. – Ты-то мне тогда для чего, дорогая?! Постиранных вещей нет! Покушать нет!

– Про детей не забудь добавить!

– И не забуду! – Он выхватил из кучи одежды джинсы, которые были чистыми, но не выглаженными. – Детей тоже нет! Зачем ты мне тогда, а?!

И вот тогда-то он, вдевая ноги в измятую джинсовую ткань, и понял, что не останется с ней. И начал хватать с пола что-то, какие-то носки, футболки, свитера и совать в дорожную сумку. И пускай она ехидничала ему вслед, Миньков молчал. Ему нечего было ей сказать, потому что он не знал, как будет дальше.

Без нее ему будет плохо, он всегда скучал по ней и уже через день-другой начинал названивать, но и с ней уже стало просто невыносимо. Он бесился от того, с какой маниакальной увлеченностью она отслеживает свои килограммы, с какой тщательной обязательностью качает, поджаривает, умащивает свое тело. Маникюр, педикюр, макияж, было что-то еще перманентное, он плохо слушал и не уловил...

Да, красива. Очень красива его жена. Практически безупречно красива. Господи, но есть же что-то еще! Что-то еще более ценное, важное и святое, чем просиживание часами перед зеркалом, махи руками с зажатыми в них гантелями и

бесконечная трюса по беговым дорожкам.

Почему она не хотела его понять? Потому что никогда не пыталась или ей просто было неинтересно? Неинтересно то, чем он жил, о чем мечтал.

– Нарушаем? – Молодой лейтенант, остановивший его на дороге, обошел машину Минькова. – С какой целью приехали в наши края, Сергей Иванович?

– К бабке в деревню. – Миньков назвал населенный пункт, где решил в одиночестве праздновать Новый год.

– Ого! – удивленно воскликнул лейтенант. – Там же нет почти никого. Пара дворов и осталась. У меня дядька оттуда. Все дом хотел продать, да не берет никто, так и ветшает теперь. Ладно, не стану вас наказывать, Сергей Иванович, праздник все же на носу. Будьте осторожнее, счастливого пути.

Миньков медленно тронул машину с места, кивком поблагодарив лейтенанта.

Вишь как! Даже милиция прониклась пониманием в связи со святостью праздника, а Алку не пронять ни хрена. Пускай, конечно, святость та была не православной, а скорее семейной, но ведь Алка-то ни в бога, ни в черта не верила. И святого у нее ничего за душой не было, и в традиции она не верила семейные.

А вот Миньков во все это верил и всего этого желал всей душой.

– Эх, Алла, Алла, и почему ты так со мной?! – прошептал

Миньков Сергей Иванович, съезжая с шоссе на проселочную дорогу, невероятно, но та оказалась расчищенной. – Могли бы, между прочим, вместе поехать...

Конечно, Алла не поехала бы с ним в глухую деревню ни за что. Это так он сам себя обманывал. И если бы даже ему удалось ценой невероятных усилий и щедрых авансирований уговорить ее совершить небольшое романтическое путешествие в забытый край, то, переступив порог бабкиного дома, его жена тотчас бы умчалась обратно.

Романтики было мало в плесневых углах, прогнивших досках пола в сенцах и занесенных пылью и паутиной крошечных оконцах. И вообще каким-то все маленьким оказалось, тесным и хлипким. Табуретка в кухне едва выдержала его вес, раскрипелась так, что Миньков поспешил с нее подняться. Панцирная койка в бабкиной спальне была очень узкой, почти солдатской и таранилась на него оскалом проржавевших пружин. Ящики старого растрескавшегося комода так и не выдвинулись, сколько он ни старался. Круглый стол в маленькой кухне, правда, порадовал. Все так же с деловитой прочностью стоял на толстых ножках посреди комнаты. И свет, как ни странно, под потолком вспыхнул, когда Миньков пощелкал головастым черным выключателем.

То ли власти закрутились и позабыли отключить участок линии электропередачи в опустевшей деревне, то ли ворам было недосуг в такой медвежий угол за кабелем подаваться, и тот уцелел. Но свет горел, и Сергей немного приободрился.

Поначалу-то, если честно, как только в дом вошел, хотел сбежать. И даже перед Алкой готов был извиниться, лишь бы не встречать Новый год в такой дыре в одиночестве. Но потом передумал.

Не мужчина он, что ли, чтобы так вот сразу паниковать и обратно ей в ноги падать?! Ему потом, кроме горечи, ничего, а Алке опять же радость: все случилось, как она и предсказала, не зря же хохотала ему вслед.

Нет, он никуда отсюда не уедет. Осмотрится сейчас, печку затопит. Если дров не найдет позади дома, где обычно они вязанками лежали, то пойдет по соседним дворам. Где-то что-то да завалюсь. И заборов опять же кругом видимо-невидимо, не то что на два дня, на два месяца хватит топить.

Да и все необходимое у него с собой. Когда ехал, успел не только встречу с немцами на зама своего переложить, но и в супермаркет заехать, забив две тележки до отказа продуктами, выпивкой, спальными принадлежностями, яркой клеенкой, посудой. До праздника еще сегодняшнего шесть часов оставалось и завтра целый день до полуночи. Он и в доме порядок наведет, и елку установит, огромную упаковку елочной бижутерии с шарами, мишурой и бусами он тоже ведь не забыл прихватить. А как со всем этим справится, пойдет гостей к себе звать на новогоднюю ночь, лейтенант на дороге обмолвился, что пара дворов тут обитаемых осталась. Может, кто знакомый из его озорного детства, с кем задами

снежные горки полировали и коньками лед на пруду рыхлили, здесь до сих пор живет?..

Глава 2

Он ненавидел, как она это делала...

Да он все в ней ненавидел, если уж признаться честно. Как она ходила, ненавидел. Не шла ведь, а как ладья плыла, медленно ворочая крутыми, будто корма, боками. Как разговаривала, слышать не мог. Говорила ведь, будто по учебнику словесности. Каждое слово утюжила необходимой интонацией, при этом нежно поводя подбородком. Нежно! Придумает же! Господи, это раньше ему казалось, что нежно. Теперь-то он это телячье подергивание видеть не мог. И голос ее тихий шелестящий в мозг впивался комариным жужжанием. Коса ее, хлобыстающая ее по пояснице, раздражала. Так бы и навертел ее на руку, так бы и...

Но как она поливала свои нелепые бегонии в нелепых цветастых глиняных горшках, он ненавидел особенно. Над каждым горшком щебечет, дура малахольная! Листочки перебирает, землицу рыхлит специальной крохотной лопаточкой, улыбается. Потом одной рукой листья приподнимает и осторожно с лейки прыскает прямо под корень. И лицо у нее при этом такое становится...

Такое препротивное, слащавое такое лицо с вытянутыми трубочкой губами, будто носик лейки она в этот момент имитировала. И ему хотелось орать в полный голос и колотить ее по толстой спине своими громадными кулачищами.

Но он не бил ее. Не потому не бил, что не хотелось – хотелось, и еще как, – а потому, что противно было ее касаться. Да и боялся ее он тронуть, чего уж вилять. Свободой своей долгожданной дорожил, потому и терпел и щебет ее, и плавное покачивание ее крутых бедер, и цветочки по подоконникам ненавистные терпел.

Выхода у него не было потому что! В угол он был загнан и обстоятельствами, и волею этой белокожей матроны, возмнившей себя его спасительницей.

Выбраться из этого угла хотелось до судорог и уже давно, но он не знал, как. Нет, выход-то был. И друзья опять же советовали, и даже планы какие-то составлялись ими же – он принципиально не принимал участия, – но все казалось ему таким нелепым, таким опасным, что он лишь отрицательно покачивал головой.

– Так нельзя. Это очень сильно бросается в глаза. Меня просто посадят, – хмыкал он, комкая бумажки, излинованные схемами. – Да и о чем это вы? Меня будто бы все устраивает...

Конечно, его ничто не устраивало. Ни в ней ничего ровным счетом не устраивало, ни само ее присутствие в его жизни, но он терпел. Пока терпел. Как-то угнездилась в душе уверенность, что так долго продолжаться не может, что рано или поздно случай ему все же представится, и он терпел.

И вот сегодня утром...

Будто кто под руку его подтолкнул сегодняшним утром,

хотя и не рисовалось ничего такого друзьями-комбинаторами и самому не думалось о таком никогда. А потом вдруг будто прозрение!

ОН же знал! ОН верил, что так будет! Просто не знал – когда. А оказалось, что прямо сегодня!..

Глава 3

Весь остаток дня и половину следующего Миньков, засучив рукава рубахи и подвернув джинсы до колен, как заправская баба, елозил тряпкой по полам, подоконникам, окнам, дверям. Замучился воду греть, столько грязи скопилось. Хорошо еще, что дров от прежней деревенской жизни на заднем дворе осталось много, не разворовал никто. Видимо, и впрямь места были заповедными, что все нетронутым оказалось. Чуть ближе бы к городским владениям, уже и от домов бы ничего не осталось. Раскатали бы по бревнышку, растащили по кирпичику.

На койку постелил сначала тонкое тканевое одеяло, обнаруженное в бабкином сундуке, потом надувной матрас, а потом уже сверху спальным мешком все накрыл. Ложе получилось что надо. И мягко, и тепло. Окна занавесил цветастой клеенкой, он ее четыре упаковки купил. На стол тоже постелил. Ничего получилось – нарядно. Посуду расставил. Выпивки целую батарею в сенцы выставил, чтобы не грелась. Там же все мясное, сыры и закуски оставил, подвесив ближе к потолку, чтобы мыши не зарились. А вот фрукты и замороженного гуся в дом занес. Гуся надо было сначала разморозить, потом замариновать, а потом уже и в духовку отправлять. Должен же был у него быть гусь с яблоками, черт побери, или нет на новогоднем столе?!

Как он станет готовить этого гуся, Миньков пока представления не имел. Не готовил никогда в своей жизни даже яичницы. С шашлыками у мангала тоже не топтался. Бутерброд слепить иногда лень бывало, а вот гуся вдруг вздумал запечь. Блажь какая, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.